

Чу Гэ чувствовал, что у него галлюцинации.

Главная героиня сбежала из книги?

Она еще и меч к горлу автора приставила и угрожала не писать о том, что она влюбится в главного героя...

Может, чрезмерная мастурбация привела к психическим проблемам и истерике?

Но взгляните на дверь. Она плотно закрыта. Звук открытия или закрытия только что не было. Она внезапно появилась у него за спиной...

Как это могло произойти?

Что вор пробрался, говорить бессмысленно. Какой вор зайдет и попросит его изменить книгу? Ты сказал бы, что хакер увидел, как ты плохо пишешь, и взломал твой компьютер, чтобы помочь тебе написать. Это было бы логичней!

К тому же, эта женщина до безобразия красивая...

Чу Гэ изначально считал, что Гу Жуоянь – самая красивая женщина, которую он когда-либо видел в реальной жизни. Неожиданно, даже спустя несколько часов, это представление разрушилось благодаря стоящей перед ним особе. Не только внешность, но и ее темперамент трудно описать. Она явно строга и зла, однако, от нее исходит странно эфирное и мечтательное ощущение. Создается иллюзия, что она может исчезнуть в любой момент и раствориться в облаках.

Может ли такая внешность, темперамент и даже наряд быть у современной девушки?

От внешности до темперамента и даже одежды, все совпадает с описанием в книге. Где еще такую женщину можно найти, чтобы она с тобой косплеила?

Она правда выбралась из книги?

Но я же не фея, как я могу воплотить мир книги в реальность?

В конце концов, он писатель, привыкший к блужданию в разных фантазиях, и довольно хорошо относится ко всем странным вещам. Чу Гэ ничуть не растерялся и с некоторой трудностью произнес: «Если у вас есть что сказать, можете сначала это объяснить? Отложите меч...»

Цю Уцзи уставилась на его шею, выражение лица ее менялось от светлого к темному, неизвестно, о чем она думала, но меч внезапно исчез в воздухе: «Тебя не нужно убивать мечом».

Чу Гэ: «...»

Тебя не только не нужно убивать мечом, если ты действительно Цю Уцзи, ты – вознесенный босс, и твоя аура может меня убить...

Но ощущение от этого человека... давление было не таким преувеличенным...

Или это происходит только потому, что она не хочет никого убивать?

«Вставай!» Цю Уцзи подняла Чу Гэ со стула, как цыпленка, и села на его место.

А потом...

Застряла.

Чу Гэ стоял в стороне со сложенными руками, косясь на идеальные нефритовые пальцы, зависшие над клавиатурой. Он долгое время сидел неподвижно и не знал, как написать нужные ему слова.

«Вы... хотите написать это сами?» – Чу Гэ, в конце концов, не смог сдержать вопроса.

Если это действительно Цю Уцзи, было бы довольно забавным, если бы главная героиня сама описывала свои действия... Чу Гэ действительно хотел узнать, как это будет выглядеть.

Я дам тебе настоящее перо, а ты будешь писать.

Цю Уцзи немного помолчала, постукивая пальцами по клавиатуре.

«ЗИзи...» Порт USB издал странный звук, словно протекая ток.

Цю Уцзи нахмурилась и остановилась.

Чу Гэ: «... Только не говори мне, что ты вливаешь духовную силу, чтобы проанализировать состав этого магического оружия...»

Цю Уцзи: «...»

Чу Гэ действительно верит, что эта Цю Уцзи. Это разве нормальное поведение?

После неловкого молчания Цю Уцзи наконец заговорила: «Как пользоваться этим магическим оружием? Почему я не могу ощущать потока духовной энергии... Похоже, электрическая энергия здесь никак не связана со твоими словами. Как ты вводишь слова на этот кристалльный экран?»

Чуго дернул щекой.

Я не могу тебе это объяснить, я просто гуманитарий...

Он немного подумал и осторожно сказал: «Что вы хотите написать? Вы скажите мне, и я напишу».

Ему также хотелось проверить, что происходит... Что будет, если «главная героиня» сама составит свою судьбу?

Цю Уцзи повернулась, чтобы посмотреть на Чу Гэ, немного удивленная: «Я видела, как ты был растерян и перепуган, но ты быстро успокоился».

Чу Гэ усмехнулся: «Тот, кому приставили меч к горлу, непременно запаникует. Я вам не монах, который прошёл гору трупов и море крови, если вы и вправду Цю Уцзи».

Цю Уцзи переспросил: «Почему же вы не паникуете сейчас?»

«Паника тут бесполезна... Сейчас мне важнее понять происходящее, чем вам». Чу Гэ протянул руку и постучал по клавиатуре, убеждаясь в том, что она всё ещё работает: «Говорите, что мне писать?»

Цю Уцзи вновь взглянул на него и решительно ответил: «Пишите о моём внезапном просветлении и вознесении, о том, как я превзошла границы между небом и человеком».

«Думаю, это не сработает, потому что идёт вразрез с базовыми установками этого мира: например, если я напишу о том, что смертный вдруг вознёсся, это явно будет неправдой».

Цю Уцзи понял, что имеет в виду Чу Гэ, и слегка прищурился: «По вашим установкам я не могу вознестись?»

Почувствовав в Цю Уцзи скрытую ярость, Чу Гэ поспешил пояснить: «Вы не можете вознестись прямо сейчас. В этом мире ещё будет много линий сюжета, связанных с вами, включая пересечения с другими персонажами. Если главная героиня вдруг исчезнет, вся структура истории рухнет. Можно сказать, что фундамент литературного мира строится на персонажах. Сперва были Песня Тянь Чу и Бесконечная Осень, и лишь потом появился этот мир».

Цю Уцзи на миг замолчала, а затем отступила в сторону, настаивая: «Пишите то, что я сказала».

Чу Гэ покачал головой, сел и застучал по клавиатуре: «... Настроение Цю Уцзи улучшилось, и она вдруг почувствовала, что врата небес открылись, и намерение её вознесения постепенно распространяется... В небесах взметнулись облака бедствия, надвигается великая катастрофа!»

Цю Уцзи молча ощутила это какое-то время, а затем слегка покачала головой: «Бесполезно».

Чу Гэ с облегчением вздохнул и усмехнулся: «Я знал, что это бесполезно. Это должно быть логично и согласовываться с существующими установками этого мира».

Цю Уцзи подняла голову и задумалась, а затем вздохнула, словно говоря сама с собой: «Я и представить себе не могла, что наш "Созидающий бог-отец" — всего лишь учёный, не обладающий никакой силой, а правда нашего мира — лишь книга... Все радости, печали и страдания контролируются руками человека, и будущая судьба — всего лишь заданный путь... Даже мои эмоции постоянно меняются в зависимости от того, что написано».

В голосе Цю Уцзи слышалось уныние, смешанное с чувством прозрения, которое трудно описать, словно ей всё открылось. Чу Гэ молча смотрел на её выражение лица и думал, что если она и вправду персонаж книги, то осознание правды наверняка будет неприятным, верно? Вполне возможно, что он разрушит её взгляд на жизнь и сведёт с ума.

Конечно, если бы она сама это написала, то Цю Уцзи не сломалась бы. Обладая сильной волей, она всего лишь попыталась бы перевернуть всё с ног на голову и управлять своей судьбой...

Верно, разве не этим она сейчас занимается?

Её крайне насторожила и оттолкнула внезапно вспомнившаяся улыбающаяся мордашка ученицы, поэтому она не поняла, какой потенциал сработал, разрушив границу...

Вероятнее всего.

По-настоящему осознав это, чувство страха от приставленного к горлу меча медленно ушло, а вместо него появилось чувство близости и немного сочувствия... Как описать это чувство? Словно это его собственный персонаж, словно дочь?

Для меня это всего лишь история. В лучшем случае — это воплощение литературных идеалов,

в худшем — простой инструмент для зарабатывания денег.

Но для неё вся жизнь расписана под копирку.

Цю Уцзи нахмурилась и неожиданно спросила: «Вы меня жалеете?»

Чу Ге поджал губы и не ответил, вместо этого сказав: "Ты сказала, что это все сделано руками человека, но это неправда... Точно так же, как я не могу просто написать о том, что ты вознеслась напрямую, потому что это требует последовательной логики. Для героя, в общем-то, каждый шаг должен соответствовать тому, что этот герой должен делать и говорить. Максимум, это просто один из нескольких возможных вариантов, который является именно тем выбором, который ты бы сделала. Это не может быть действие, которое противоречит персонажу".

Он сделал паузу, потом засмеялся и сказал: "Некоторые говорят, что как только герой написан, он выходит из-под контроля автора. Твое появление дало этому утверждению самое весомое подтверждение".

Цю Уцзи спокойно смотрела на него, ее прекрасные глаза были как глубокие водоемы, молчаливые и глубокие, ее мысли нельзя было разглядеть.

Спустя долгое время он холодно произнес: "Ты хочешь сказать, что я могу любить того мужчину по собственному выбору?"

Лицо Чу Ге позеленело.

Конечно, это не может быть ее выбором. Цю Уцзи - самый могущественный человек в мире, такая презрительная и дальновидная. Не говоря уже о том, спокойна ли ее душа - даже если она захочет пошевелить своими смертными мыслями, так как она сознательно подготовилась, объектом не может быть новоприбывший ученик, слишком велик разрыв.

Однако это история о гареме, и нам нужно создавать условия, даже если у нас их нет. Получить женщину, которую просто невозможно получить, - вот в чем класс гаремной истории! Кто бы стал считать иначе!

Но эту женщину и правда невозможно получить, а значит, это действительно не тот выбор, который сделала бы Цю Уцзи. Это механическое божество автора.

Настолько, что ее конфликт достиг такого уровня, что она выскочила из книги, не так ли?

Цю Уцзи холодно сказала: "Это определенно не тот выбор, который я должна сделать... Другими словами, ты можешь хотя бы в некоторой степени воздействовать на так называемую самосогласованность. По словам рассказчика, даже если ты не понимаешь суть, ты можешь исправить ее".

Чу Ге очень пожалел, что сделал ее слишком умной, поэтому он мог только вытирать холодный пот и говорить: "Действительно... это можно немного сгладить..."

Цю Уцзи хотела что-то сказать, но ее выражение лица внезапно слегка изменилось.

Чу Ге беспомощно наблюдал, как ее фигура начала расплываться, как будто она изменилась от твердого человеческого тела к прозрачному призраку.

Затем она становилась все слабее и слабее, превращаясь в тень, и в конце концов исчезла.

Ее последний голос раздался из воздуха: "Независимо от того, какой метод ты используешь, тебе не разрешается продолжать писать, что у меня есть какая-либо эмоциональная связь с Чу Тяньгэ. Я буду выходить в любое время. Если ты продолжишь писать вслепую... тогда тебе больше никогда не придется писать".

Звук был слабый, и человека больше не было.

Чу Ге смотрел на пустую комнату и чувствовал себя так, как будто он был во сне.

<http://tl.rulate.ru/book/108795/4035159>